

Р.М. Мазаев, А.С. Соловьева
Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АПОЛОГЕТИКИ ЮСТИНА МУЧЕНИКА

В статье анализируется наследие христианского апологета II в. – Юстина Философа, представленное апологетическими сочинениями, в которых философские составляющие и риторический нарратив в защиту христианства являют единое целое. При этом важно также выделить собственные философско-мировоззренческие позиции апологета, что делает необходимым рассмотрение биографии Юстина. Особый интерес вызывает риторика, ее приемы и связь с эпохой Второй софистики.

Юстин Философ, раннехристианская апологетика, раннее христианство, античная религия.

Юстин Философ является одним из наиболее выдающихся раннехристианских апологетов. В своей апологетической деятельности он блестяще решает те две основные задачи, которые стояли во II–III вв. перед защитниками учения Христова. Во-первых, построение общего дискурса с интеллектуальными элитами Римской империи. Во-вторых, презентация Благой Вести как некоей философской школы для лиц наиболее близких в своих духовных чаяниях и социальном плане к христианам. Решение обеих задач обеспечивало легализацию христианства как учения и укрепление положения его последователей в обществе [5, с. 896]. Апологету принадлежит заслуга формулирования многих догматических представлений [7, с. 110–111] и конкретно апологетических мотивов, например, преследование христиан «лишь за имя» (ср. *Iust. Martyr. I Apol.*, 24; *Athen. Leg.*, 1–2; *Theoph. Ad Aut.*, I, 1; III, 4), инициация гонений демонами (ср. *Iust. Martyr. II Apol.*, 8; 10–14; *Tat. Orat.*, 16–19; *Athen. Leg.*, 24) и так далее, которые были унаследованы позднейшей христианской апологетикой. Юстин ярко выделяется своим положительным отношением к эллинской культуре и готовностью видеть в ней некое неполное Откровение (*Iust. Martyr. I Apol.*, 7–8), которое вошло в мир полностью лишь с пришествием Сына Божьего (63). В своем учении о природах человека и Бога апологет активно привлекает стоические или, скорее, среднеплатонические философские концепции [10, р. 304–305], при этом ясно осознавая грань между эллинской мудростью и христианским учением [8, с. 100–103].

Родился Юстин около 110 г. в городе Флавия Неаполь в Самарии в семье греческих колонистов (*Iust. Martyr. I Apol.*, 1; 53; *II Apol.*, 15), получил достаточно хорошее образование, а позже отправился в Малую Азию, где в Эфесе примкнул к школе платоников, чье учение в наибольшей мере соответствовало чаяниям Юстина относительно познания Бога (*Iust. Martyr. Dial.*, 2–3). Однако затем он обратился в христианство, по-видимому, до середины 130-х гг. Впоследствии Юстин переезжает в Рим, где им было открыто катехизаторское училище, имеющее форму философской школы, что обеспечивало возможность его отно-

сительно безопасного существования в столице (*Acta Iustini.*, B, 3, 2; C, 2, 5; *Euseb. Hist. eccl.*, IV, 11, 11). Но в период 163–167 гг. наш философ и ряд учеников вместе с ним были казнены по решению префекта столицы Квинта Юния Рустика, чему, возможно, способствовала активная полемическая деятельность Юстина (*Acta Iustini.*, A, 2, 3), в частности, конфликт с киником Кресцентом (*Iust. Martyr. II Apol.*, 3).

Юстину приписывается около 13 произведений, но достаточно твердо авторство Юстина можно отнести лишь к трем дошедшим сочинениям: первая и вторая апологии и «Диалог с Трифоном» [12, р. 335].

Не удивительно, что труды Юстина создают образ автора, достаточно хорошо знакомого с философией эпохи империи и средним платонизмом в частности. Христианский мыслитель адаптирует к своим нуждам не только концепции философских школ, но и метод философствования, в котором все большее значение имело влияние мнений авторитетов [1, с. 22]. Особенно это заметно на примере «заигрывания» с Платоном. Апологет неоднократно упоминает самого Платона, а также напрямую цитирует или пересказывает его идеи. Исследования по вопросу влияния философии Платона на Юстина показывают, насколько хорошо знал автор не только взгляды Платона, но и использовал композиционные особенности его произведений, выстраивая с помощью них свои собственные, прежде всего это касается «Диалога с Трифоном иудеем» [2, с. 197]. Неоднократно Юстин обращается к изложению так называемой философии Сократа, по-видимому, используя при этом диалоги Платона. Естественно, что Юстин пытается примирить, подчинить философию Сократа идеям и идеалам веры Христовой, доказывая, что конфликта между классическим этическим рационализмом и христианским мировоззрением нет.

Большое значение в данном случае имеет понятие «Логос» как высшая категория сил Бога, принимая во внимание, что как в античности, так и в христианстве Логос можно постичь при мудром и внимательном наблюдении за окружающим миром [11, с. 55]. При этом Юстин опирается на сократический идеал истины как этический императив. Апологет, следуя за

мыслью платоновского Сократа, признает ее самой высшей ценностью, которую нужно предпочесть всем остальным суждениям [6, с. 136]. Подобные обращения к классической мысли древней Греции соответствовали общим тенденциям эпохи т. н. «второй софистики» с ее культом классики [3, с. 27].

Достаточно специфична для христианской традиции однозначно положительная оценка философского знания. Автор апологий проводит параллель между теми, кто называется философами в Греции, имеющими разное учение, так и между теми, кто именуется мудрецами у христиан, заявляя о том, что в обоих случаях термины «философ» и «мудрец» могут не соответствовать действительности.

Так Юстин пишет: «καθόλου μὲν οὖν κάκεινο ὁμολογοῦμεν, ὅτι ὃν τρόπον οἱ ἐν Ἑλλάσι τὰ αὐτοῖς ἀρεστὰ δογματίσαντες ἐκ παντὸς τῷ ἐνὶ ὀνόματι φιλοσοφίας προσαγορεύονται, καίπερ τῶν δογμάτων ἐναντίων ὄντων, οὕτως καὶ τῶν ἐν βαρβάρους γενομένων καὶ δοξάντων σοφῶν τὸ ἐλικατηγορούμενον ὄνομα κοινόν ἐστι· Χριστιανοὶ γὰρ πάντες προσαγορεύονται» (I Apologia 7,3).

Эта мысль развивается в следующем направлении: «Судить же людей необходимо лишь по их делам, а не по тому, как про них говорят» (I Apologia 7, 4). По-видимому, данный пассаж, помимо явных попыток пресечь обвинения против христиан, также содержит в себе довольно ненавязчивую идею о временах Сократа, когда самые различные идеи софистов процветали, а понятие «философ» теряло свою первичную положительную коннотацию. А идея Юстина о том, что оценивать человека необходимо не по речам, которые про него говорят, а по делам, сближает историю казни Сократа и положение христиан в Римской державе. Понимание апологетом того, что человек может называться философом или мудрецом, не являясь таковым, и суждение о том, что лишь дела человека будут определять его, – попытка сблизить представления язычников и христиан.

При этом нужно отметить, что Юстин, принимая классический рационализм древней Греции, отрицательно относится к мифотворчеству и поэзии. Так, он утверждает, что через поэтов люди узнают о порочных, выдуманных делах, которым нет доказательства (I Apologia 23). Юстин порицает то, что через поэтов язычники высмеивают собственных же богов. Вероятно, эти взгляды были восприняты апологетом не только лишь из книг Ветхого Завета, влияние платоновской критики подражательного искусства не менее очевидно [13, с. 144].

Юстин выборочно критикует те стороны религиозной жизни, которые более, по-видимому, не имеют столь сильного авторитета в языческом мире. Это, прежде всего, относится к оракулам. Уже в IV в. до н.э. в древней Греции мифологическая традиция начинает переосмысливаться и во многом ставится под сомнение, происходит рост скептицизма по отношению к оракулам [4, с. 346]. Достаточно вспомнить комедии Аристофана, где поэт не боится высмеивать как богов, так и софистов, ставивших под сомнение полисную этику [9, с. 160]. Юстин направил свою критику на потерявшие авторитет языческие представления. Апологет перечисляет древнегреческих оракулов и

архаические философские школы, заявляя о том, что вера в одного Бога намного целесообразнее и мудрее, чем представления архаической эпохи. При этом нужно отметить мастерство и осторожность критики Юстина, который, упоминая философию Пифагора, Эмпедокла и мифологический эпос Гомера, лишь указывает на то, что сила христианского учения в том, что христиане веруют в Бога более, чем их предшественники (I Apologia 17). При этом Юстин выдвигает главный аргумент о том, что единый Бог христиан более могущественен чем языческие боги, ведь Он способен вернуть тела умершие и после смерти человека. В качестве примера Юстин приводит Улисса, который может лишь соприкоснуться с тенями умерших, спустившись в загробный мир (I Apologia 17). Можно предположить знакомство нашего апологета с иудо-христианским псевдоэпиграфами – Сивиллиными книгами.

Юстин в своих апологиях дает свою интерпретацию греческого пантеона, не уделяя специального внимания римскому. Первоначально апологет критикует язычников в том, что они склонны уподобляться «плохим богам», упоминая деяния Зевса и его потомков, заявляя, что истории про божеств написаны для того, «чтобы в разладах и дурных склонностях воспитывать детей, ведь все признают, что прекрасно подражание богам». (ὅτι εἰς διαφορὰν καὶ προτροπήν τῶν ἐκπαιδευομένων ταῦτα γέγραπται· μίμητάς γὰρ θεῶν καλὸν εἶναι πάντες ἠγοῦνται. – I Apologia 21,3). Однако за такой критикой снова идет аналогия, которая сближает христианское и античное мировоззрение, Юстин говорит, что Гермес для язычников – Слово Зевса и Олимпийский богов, также как Христос. Во многих современных переводах авторы добавляют свое различие, указывая, что Христос – Слово Бога, с заглавной буквы, а Гермес – вестник богов или их слово, но со строчной буквы. Мастерство Юстина в аналогиях тем более видно в оригинальном тексте, где и Гермес, и Христос находятся в равных позициях, для каждого автор употребляет термин λόγος со строчной буквы. Таким образом, Юстин умело использует сразу же два приема: 1) критику языческого учения; 2) аналогии. Очевидно, что Гермес Триждывеликий не мог быть богом в понимании нашего апологета, почему он затем сравнивается с другим культурным героем древности – Моисеем. Первоначально критикуя античное представление о богах, он сглаживает критические очерки тем, что приравнивает языческие понятия с христианскими, делая веру в единого Бога более доступной и близкой античному читателю. Одна из осевых концепций в вероисповедании и апологетике Юстина – учение о Логосе – основывается на характере отношений между человеком, тварным миром и Богом, что требовало от апологета выяснения и определения самой природы Господа. По Юстину, Бог познается лишь через внешние его проявления в мире, благодаря определенной связи человека с ним, но ни как не через понятия – имена (ὀνόματα) Бога – неспособные выразить его сущность (Iust. Martyr. II Apol., 6). Эпитеты, прилагаемые к Богу, как «Творец», «Отец», «Господь», «Владыка» есть названия (προσρήσεις), выражающие лишь проявления Бога во вне. При этом Бог человеколюбив, что прояв-

ляется в творении человека и мира для него, а также в Проведении (Iust. Martyr. I Apol., 10; Dial., 123). Однако Бог в качестве «первой ипостаси» совершенно трансцендентен в отношении к миру (Iust. Martyr. Dial., 127), что подчеркивается апофатическими наименованиями «неизреченный» (ἀρρητος), «непреложный» (ατρελτος), «бесстрастный» (απαθής) и так далее. Причем в своем употреблении терминологии Юстин близко подходит к платонической традиции. Особенно ярко выражено это в случае дарования Богу эпитета «Отец всего» (ο πατήρ των όλων (Iust. Martyr. I Apol., 45)), что сходно с наименованием Творца у Платона (ποιητήν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντός (Plat. Tim. 28c)).

Кроме космологической, Логос имеет сотериологическую и гносеологическую функцию [1, с. 22–29], являясь воплотившимся Сыном Божьим, принесшим искупление и совершенно истинное знание человечеству (Iust. Martyr. I Apol., 63). До того истинна, в которой сочетаются гносеологический, сотериологический и этический аспекты [1, с. 53–59], не раскрытая полностью, была доступна, благодаря пророкам, устами коих вещал пророчесственный Дух (31). Наличие в человеке «семенных логосов» (λόγοι σπέρματικοί) также позволяло каждому частично приближаться в своем познании к истине (44). Это положение давало возможность Юстину называть ряд языческих философов, чье учение в определенных моментах было соотносимо с христианской догматикой, христианами, а их творчество считать частичным предвосхищением Откровения (7–8).

Юстин также преобразовывает языческие мифы, связанные с восхождением на небо. Апологет цитирует пророка Моисея: «Сын Божий привяжет к виноградной лозе своего осленка и омоет одежду свою в крови грозда» (I Apologia, 93), указывая на то, что миф о рождении Диониса от Зевса и о том, что Дионис явился покровителем винограда, а также использование осла в таинствах, посвященных ему – это переработка слов Моисея. А двусмысленность слова πῶλος, которое может значить как жеребенка коня, так и осла, позволила язычникам создать миф о Беллерофонте, который поднялся на небо на Пегасе. Юстин упоминает пророка Исаию, который утверждал, что «Христос родился от Девы, Сам собою взойдет на небо», эти слова, по мнению апологета, послужили основой для мифа о Персее. А когда эллины узнали, «что Он, как предсказано в вышеприведенных пророчествах, “силен, как исполин, готовый идти в путь”, то сказали, что Геркулес был силен и обошел всю землю. Когда же опять услышали пророчества о Нем, что Он будет исцелять всякую болезнь и воскрешать мертвых, – представили очи себя Ескулапия» (I Apologia, 94).

Юстин стремится удревнить деяния пророков и показать взаимосвязь и преемственность эллинского учения от христианского. Также Юстин пытается доказать, что христианство не является «новой религией» (religio nova), но наоборот, есть религия наиболее древняя. Истина Христова относится к существующему до творения мира Логосу, а впервые выражена она была пророками, предшествующими всем философам (23–24; 44). При этом христианство является

также наилучшей и истинной философией, поскольку слова пророков не противоречивы, а понимание учения Христова доступно по вере каждому, а не только ученым и философам, что отличает его от учений прочих философских школ в лучшую сторону (Iust. Martyr. I Apol., 60; II Apol., 8; 10). Таким образом, низкий социальный статус христиан становится в какой-то мере аргументом для апологии, а не критики христианства (ср. Min Felix. Oct., 8; Luc. De Mort. Per., 12; Orig. Contr. Cels., III, 43–55).

При этом апологет вводит еще одно объяснение того, как появлялись мифы у язычников, говоря о существовании демонов, которые были создателями данных мифов. Логично предположить, что понятие δαίμων было также воспринято Юстином через философию среднего платонизма. Стоит отметить, как Юстин умело использует понятие δαίμων для того, чтобы смягчить критику языческих представлений, но обратить взор читателя на то, что в античной философии также были и те, кто понял Слово Божие, однако именно демонические силы, по мнению Юстина, направили язычников по неправильному пути. Так, он приводит в качестве примера Гераклита, используя историю его смерти как доказательство того, что люди, насаждающие правильное учение о Логосе, были убиваемы (2 Apologia 8). Таковым же, по мнению Юстина, был и Сократ, который пытался отвратить людей от неправильных представлений, от Гомера и других поэтов, которые насаждали мифологическую картину мира. Однако главное отличие Христа от предшествующих античных мыслителей в том, что Христос смог своей силой показать праведный путь и заложить новые праведные представления о мире.

Юстин положительно относился к личностям античных философов, будучи сам по своей природе философского склада ума. Однако главная цель апологета состояла в том, чтобы показать праведное мировоззрение, которое он видел в рождающемся христианстве. Так и в трудах Платона и платоников он усматривал, прежде всего, не космологию, а теологию. Юстин активно привлекал архаические образы мифов, трактуя их на свой лад и показывая их истоки. Он сравнивал их со словами христианских пророков, тем самым удревняя христианское учение, ставя его первым и по времени и по значимости. При этом апологет критикует мифологическую картину мира язычников крайне осторожно, обнажая не ее неправильность, а скорее, указывая на то, как люди уходили с правильного пути под действием демонических сил. Именно так Юстину удается нащупать тонкую грань между критикой язычества и схожестями античного мировоззрения и христианства.

Литература

1. Диллон, Дж. Средние платоники. 80 г. до н.э. – 220 г. н.э. / Дж. Диллон; пер. с англ. Е. В. Афонасина. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко: Алетей, 2002. – 447 с.
2. Зуева, Е. В. Влияние пересказанных диалогов Платона на жанровые и композиционные особенности «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.) / Е. В. Зуева // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2009. – № 13. – С. 196–202.

3. Зуева, Е. В. Исторический факт и литературный прием в «Диалоге с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.) / Е. В. Зуева // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2011. – Вып. 2. – С. 27–31.
4. Кулешова, О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.) / О. В. Кулешова. – Санкт-Петербург : Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2001. – 432 с.
5. Лебедев, П. Н. Рим и Христианство: переосмысление истории в апологетике II–III вв. / Лебедев Павел Николаевич // ВДИ. – 2018. – Т. 78, № 4. – С. 889–908.
6. Митрошина, Н. А. Влияние иудейской и греческой традиций апологии на св. Иустина Философа / Н. А. Митрошина // Рязанский богословский вестник. – 2011. – № 1. – С. 135–143.
7. Приходько, М. А. Апологетика Иустина Философа и Татиана Ассирийца как опыт самосознания христианской Культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Приходько М. А. – Санкт-Петербург, 2014. – 137 с.
8. Сидоров, А. И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности / А. И. Сидоров. – Москва : Русские огни, 1996. – 348 с.
9. Тронский, И. М. История античной литературы / И. М. Тронский. – Ленинград : Учпедгиз, 1946. – 496 с.
10. Droge, A. J. Justin Martyr and the Restoration of Philosophy / A. J. Droge // Church History. – 1987. – Vol. 56, № 3. – P. 303–319
11. Parvis, P. Justin Martyr / P. Parvis // Expository Time. – 2008. – Vol. 120. – P. 53–61.
12. St. Justin Martyr Apologies / Translated and edited by D. Minns and P. Parvis. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
13. Hyldahl, N. Philosophie und Christentum: Eine Interpretation der Einleitung zum Dialog Justins / N. Hyldahl – Kopenhagen: Prostant apud Munksgaard Munksgaard, 1966.

R.M. Mazaev, A.S. Solovyeva

PHILOSOPHICAL AND POLEMICAL ASPECTS OF JUSTIN MARTYR'S APOLOGETICS

The article analyzes the heritage of Justin the Philosopher, the Christian apologist of the 2nd century. It is represented by his apologetic writings, in which philosophical components and rhetorical narrative in defense of Christianity are a single whole. It is also important to distinguish the apologist's own philosophical and ideological views, so it is necessary to consider Justin's biography. The authors come to the conclusion that the apologetic concepts cited by Justin laid the basis for the subsequent tradition of early Christian apologetics. Justin's contribution to Christian dogmatics, especially his doctrine of the Logos, is also significant.

Justin the Philosopher; early Christian apologetics; early Christianity; ancient religion.